

Б. В. Кабылинский

Универсальные тенденции евразийской интеграции с позиций культурологического подхода

Universal Tendencies of European Integration: Culture Analysis

Аннотация: Статья посвящена анализу такого аспекта евразийской интеграции, как универсальные закономерности эволюции социальных, экономических и политических процессов с позиций культурологического подхода. Автор акцентирует внимание на видоизменении форм обмена информацией, субъектности участников интеграционного взаимодействия, переходном состоянии модернизирующейся национальной и государственной идеи. В заключении формулируется вывод о возможности конструирования новой методологии анализа процессов евразийской интеграции.

Summary: Article is devoted to analysis of such Eurasian integration aspect as universal tendencies of social, economic and politic evolution from culturological research view. Author concentrates on changes in ways of translating information, subjects of integration, transit condition of modernizing national and state idea. In the conclusion author offers possibility to create new methodology of analyzing European integration.

Ключевые слова: евразийская интеграция, постсовременность, культурный дискурс, универсальные тенденции интеграции.

Key words: Eurasian integration, postmodernity, culture discourse, universal integration tendencies.

Кабылинский Борис Васильевич

Санкт-Петербург, Российская Федерация
Старший преподаватель СЗИУ РАНХиГС,
boris_kabylinskiy@mail.ru

Boris Kabylinskiy

Saint Petersburg, Russian Federation
Senior lecturer of the North-Western Institute of management
RANEPA,
boris_kabylinskiy@mail.ru

Исследование универсальных тенденций евразийских интеграционных процессов — дискуссионное предметное поле с позиций культурологического подхода. Затруднения возникают в тот момент, когда мы пытаемся ответить на вопрос о том, что универсально в процессе становления постсовременной эпохи, если и не повсеместно, то хотя бы в экономически развитых странах, активно вступающих в процессы евразийской интеграции. В данном плане показателен пример из финской практики оптимизации государственного управления. Действительно, исторический опыт Финляндии оказался очень благоприятным для последующего внедрения инноваций в систему государственной службы. В 1879 г. в Финляндии начал работу первый в мире частный телеграф, уже до Второй мировой войны функционировало 815 телефонных компаний [2, с. 47–49]. Развитие мобильной телефонии привело к тому, что на сегодняшний день в IT сфере занято 3–4% населения Финляндии, а доля этой продукции в ВВП за счет экспорта составляет

почти 50% [2, с. 89]. Постепенно высокие технологии, начиная с мобильной связи, прочно вошли в финскую повседневную жизнь. Таким образом, постиндустриальное общество и, соответственно, экономика в Финляндии — это бесспорная данность. Однако утверждать, что сформировался новый способ мышления не представляется возможным. В 2011 г. финское правительство приняло программу SADe (electronic Services and Democracy), рассчитанную на четыре года, суть которой состоит в расширении IT-кластера в контексте оптимизации государственной службы. Программа SADe, как следует из названия, подразумевает развитие электронных услуг и демократии, но не как частных задач, а в качестве условия развития центральной и местной власти, что предполагает реализацию соответствующих профильных программ и проекта по совершенствованию сектора оказания государственных услуг. Однако на практике внедрение данной системы оказалось эффективным только в тех случаях, когда предпринимались попытки оптимизировать существующий способ управления, но не подвергнуть радикальному пересмотру его системообразующие принципы. Таким образом фактически произошла электронизация, но не информатизация процесса государственной службы. Пример из финской практики является очень показательным в том плане, что даже применительно к развитым экономически странам некорректно утверждать о том, что наступила постсовременная эпоха. Аналогичную ситуацию мы можем зафиксировать и на евразийском пространстве, что по сути отображается в универсальных закономерностях интеграционного процесса.

Характерная черта евразийской интеграции состоит в том, что значительно сокращаются расстояния, в частности, за счет развития Интернета, ускоряющего процесс обмена информацией, что наделяет индивидов возможностью дистанционного участия в конференциях, саммитах и торгах; это же касается дистанционного политического волеизъявления, равно как и участия в политических дебатах. Коммуникационные процессы приобретают качественно иную

значимость, их роль в процессе конституирования культурного дискурса возрастает по отношению к прошлым эпохам. Экономика постсовременного типа существенно «ускоряется»: «Когда что-то растет в цене на 2300 процентов в год, решения приходится принимать быстро. Наиболее ценным становится возможность чувствовать перемены и подстраиваться под них» [3, с. 41]. Соответственно, эффективность интеграционных процессов уже может быть оценена не только по критерию цель-средства, но и цель-процессы, с учетом транзакционных издержек [5, с. 107]. В результате понятие «эффективность» постепенно трансформируется в «действенность». При этом роль государства, определяющего формы экономической интеграции, понижается ввиду перераспределения координационных полномочий между традиционными и инновационными институтами. Для культурного дискурса нового типа характерно не только смещение приоритетов, перераспределение ролей сторон в интеграционных процессах, но и изменение критериев оценки эффективности экономики. В частности, постсовременные реалии конституируют ранее не существовавший тип социально-политических процессов, детерминированный «выключенностью» (на сегодняшний день в российской науке не существует однозначного перевода англоязычного термина «exclusion») ряда социальных групп из трансформирующейся системы социально-политических отношений [1, с. 118]. Необходимо отметить, что в России это неравенство увеличивается и негативно влияет на культуру гражданского участия, повышая протестные и абсентеистские настроения среди российского населения, «выключенного» из виртуальных реалий политических процессов, в том числе и интеграционного характера [4, с. 152].

Другая важная тенденция евразийской интеграции определяется тем, что исчезает бинария и полисубъектность. Количество в данном случае упраздняется, точнее, оно постоянно меняется в зависимости от того сколько участников вступает в коммуникационный процесс. Речь в данном случае становится уже не диалогом, а некоей сетью,

объединяющей субъектов в коммуникационное поле. В итоге структура дискурса, по крайней мере на виртуальном пространстве, приобретает характеристики не вертикальной/горизонтальной иерархии, а сети. Интеграция перестает быть линейной и уже не зависит от четких, относительно постоянных установок. Здесь речь идет о том, что постоянно меняющаяся настроенность субъекта интеграции не может быть зафиксирована наукой как объект, которому присущи первичные и производные настроения. Сам факт возможности смены гендера, что особенно легко в социальных сетях, провоцирует субъекта на диаметрально противоположные настроенности. Поэтому в рамках евразийских процессов начинает конституироваться культурный дискурс как некая флуктуация, постоянное колебание, причем уже не в линейном времени, а в различных точках бифуркации. При этом ключевое значение сохраняет борьба за право декларировать статусные функции. К этой категории по-прежнему относятся лоббистская деятельность, борьба групп интересов и т. д. Иными словами, в центре внимания находятся борьба за электорат, уважение и почитание в массовом сознании и на международной политической арене и т. д. Снижение роли государства, повышение значимости международных корпораций приводит к тому, что генерируется асимметрия, которая проходит по двум основным осям евразийской интеграции — идеологической и организационно-структурной.

Следующая тенденция процессов евразийской интеграции — деперсонализация субъекта. Деперсонализация субъекта — отличительная черта современного культурного дискурса. De facto проблематика состоит в утрате субъектом статуса стабильного, однозначно центрированного и линейно детерминированного элемента социальной системы. Вместо интеграции, характерной для современной эпистемы, субъект начинает как будто расщепляться, его идентичность, до этого существовавшая в виде монолита, перестает претендовать на хотя бы относительную цельность. Важно отметить, что анализ субъекта на деле есть анализ условий, при которых возможно

выполнение неким индивидом функции субъекта. И следовало бы еще уточнить, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее. Абсолютного субъекта не существует. Важно отметить, что так называемая смерть субъекта слабо осознается. Это обстоятельство красноречиво свидетельствует в пользу правильности убеждения в том, что евразийская интеграция, как и любая деятельность, может активно влиять на генезис культуры, но не только зависит от изначально данной объективирующей картины мира. Влияние интеграционных процессов на исчезновение субъектности в привычном смысле слова проявляется, например, в ходе реализации идеи электронного правительства. Вместо государства, субъектность которого четко фиксируется, ряд функций начинает выполнять медиаполитическая система — «сбалансированная структура, состоящая из совокупности политических и медийных институтов, управляющих информационными потоками и каналами коммуникации, целью которой является формирование общественного мнения по тем или иным вопросам» [6, с. 44]. Примечательно, что культурный дискурс остается переходным в большинстве стран. В частности, в современной России медиаполитическая система недостаточно эффективно оказывает положительное влияние на массовое сознание. На наш взгляд, одна из основных причин — это незначительная степень освоения виртуального политического пространства органами государственной власти, партиями, правоохранительными структурами. Отечественные исследователи, как правило, оценивают сложившуюся ситуацию критически, акцентируя внимание на том, что российское региональное и федеральное правительство теряет возможность формировать ориентиры на интеграцию в евразийское пространство, так как первоочередные условия, то есть лояльность и патриотизм, в первую очередь в молодежной среде, утрачивают статус значимых ценностей. Сторонники такого подхода приводят данные о том, что по исследованиям общественного мнения, 8,2% российской молодежи делит

окружающих на «своих» и «чужих», причем значительная часть молодежи без осуждения относится к асоциальным явлениям [7, с. 152]. При этом исследователи выражают обеспокоенность по поводу актуальности национализма в молодежной среде: «Власть расистского дискурса в российском обществе институциональна, обеспечивается постоянным воспроизводством расистских представлений посредством соответствующей социализации и, в первую очередь, через систему образования» [8, с. 52]. Вместе с тем несомненно, что деперсонификация субъекта за счет внедрения электронных технологий партийного дизайна, политического франчайзинга, политического маркетинга, политического лизинга, не оказывает негативное влияние на относительно консолидированное, устойчивое к внешнему дестабилизирующему воздействию и чуждым ценностям массовое сознание россиян. Отечественная социально-политическая система, в отличие от европейской, в большей степени ориентируется на традиционные механизмы развития.

Важный аспект интеграционных процессов — перенос акцентов в нематериальную плоскость. Борьба начинает вестись за интеллектуальную собственность, и культурные ценности формируются в соответствии с этой тенденцией. При этом в социально-политической структуре несколько парадоксальным образом возрастает роль усредненных переменных. Одним из таких элементов становится средний класс, претендующий на наибольший удельный вес в структуре социальной стратификации. В мировом масштабе речь, конечно же, идет о глобализации, унифицирующей национальные культуры в единый тип некоторого универсального дискурса. Стандартизация относится к противоречивым тенденциям, которые культура постсовременного типа оказывается неспособна преодолеть. С одной стороны, общество позиционирует себя в качестве максимально индивидуалистического. При этом процессы коммуникации совершенствуются, границы между странами становятся условными, возможности для общения практически безграничны. Однако виртуальная активность

и взаимоотношения, например, в социальных сетях не преодолевают проблему одиночества. Экзистенциальные проблемы становятся символическими, это определенный тренд, постоянное обсуждение которого не меняет ситуацию в корне. Проблема отчуждения выходит на качественно иной уровень. Это отчуждение характеризуется страхом перед утратой собственного «я». Традиционные характеристики субъекта, такие как гендер, национальность, социальный и культурный статус, постепенно утрачивают актуальность. Эта тенденция проявляется в мощнейших девиациях, ярким примером которых служит кризис института семьи в странах Западной Европы, существенно выходящий за рамки утверждения противоречивой ценности признания нормальными нетрадиционных сексуальных связей.

В заключение необходимо указать еще одну универсальную характеристику современных интеграционных процессов, а именно — неспособность постсовременной эпохи сформулировать принципы, достаточные для субъекта с точки зрения удовлетворенности культурой. Данное обстоятельство мотивирует культурный дискурс на возвращение к изначальным ценностям. В этом плане мы имеем дело с переходностью культурного дискурса, что характеризуется борьбой за возврат к традиционным ценностям и отказом от новых форм, которые принимает субъект интеграционных процессов.

Подводя итоги, можно отметить, что интеграционные процессы на евразийском пространстве, посредством анализа универсальных тенденций, могут быть представлены в виде совокупного культурно-исторического опыта. Иными словами мы имеем дело с эпистемой, то есть структурой теоретического и практического опыта об интеграции и закономерностях эволюции соответствующих процессов. Культурные основания интеграции в данном случае — это частные примеры общей идеи о прямой зависимости между вариативностью культурных форм и деятельности по интеграции независимых государств в единое экономическое и политическое пространство.

При этом интеграция и культура находятся в обоюдной коррелятивной связи. Вместе с тем новая методология исследования интеграции с позиций культурологического подхода может быть создана только тогда, когда будут предложены понятия, преодолевающие разрыв между абстрактным теоретическим и практическим знанием.

Использованная литература

1. Himanen P. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. — Oxford: Oxford UP, 2002.

2. Nordic social policy: changing welfare states. — London, Oxford press, 2007.

3. Spector R. Amazon.com: Get big fast. London: Random house business books, 2007.

4. Быков И. А., Халл Т. Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России.

5. Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению. // Полис. Политические исследования. 2001. № 3.

6. Харламова Ю. О. СМИ как инструмент реализации государственной политики. // Власть. 2012. № 8.

7. Ядова М. А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи. // Социс. Социологические исследования. 2012. № 1.

8. Ярская В. Н. Язык мой — враг мой: расистский дискурс в российском обществе. // Социс. Социологические исследования. 2012. № 6.